

ПРОТЕКЦИОНИЗМ VS ЛИБЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.В. АРСЛАНОВ

Государство и свобода конкуренции: *Methodenstreit* и дебаты о протекционизме в Великобритании на рубеже XIX–XX вв. Статья 1

В статье анализируется роль конфликта двух методологических подходов – математико-аналитического и исторического – в процессе формирования британской экономической науки как особой академической дисциплины в конце XIX – начале XX в. На примере спора о критериях научности экономики между А. Маршаллом и У. Каннингемом показаны: 1) значение “спора о методах” для кадровой политики и выбора приоритетов программ подготовки экономистов в ведущих британских университетах; 2) связь “спора о методах” с дискуссией о государственном вмешательстве в экономику и, в частности, о роли защитных тарифов в обеспечении занятости и стимулировании роста.

Ключевые слова: Историческая экономика, методология, история экономической науки, историческая школа, свободная торговля, протекционизм.

DOI: 10.31857/S086904990003945-1

JEL: B15; B41; B52; F11

После мирового финансового кризиса 2008 г. и последовавшей за ним рецессии под шквал критики попали не только финансисты и политики правящих партий в США и Европе, но и экономисты, которые в большинстве своем не смогли предсказать коллапс такого масштаба, хотя они и располагали значительными ресурсами, в том числе из государственных источников, для финансирования своих исследований. Анализируя причины системного сбоя в макроэкономическом прогнозировании, ряд ученых указали на существенные проблемы доминирующей экономической теории (“мейнстрима”) и призвали серьезнее относиться к работам предшественников так называемых неортодоксальных школ [Автономов, Автономов 2016]. Готовность мейнстрима к пересмотру базовых постулатов, однако, предполагает восприятие критики лишь в рамках основного для этого направления метода описания реальности и интерпретации данных – формального языка математических моделей.

А р с л а н о в Василий Викторович – *Dr. ph.*, младший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН. Адрес: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32. E-mail: arslanov@gmail.com

Разумеется, мейнстрим неоднороден и допускает многообразие позиций по ключевым теоретическим вопросам. Но едва ли не единственное, с чем согласны, пожалуй, все его представители, – то, что использование математического аппарата полезно и даже необходимо при анализе самых разных проблем, в том числе далеких от сфер производства и распределения. Между тем для “стороннего наблюдателя” польза математизации экономики не столь очевидна, ибо в отличие от физики и химии, также активно применяющих сложные математические методы, результаты экономического анализа выглядят значительно скромнее. “Цена” же применения формальных моделей в эконометрических исследованиях – редуцирование социальных явлений до нескольких переменных – оказывается неоправданно высокой. Поскольку многочисленные попытки квантифицировать сложные составляющие экономических процессов, например политические институты и культурные ценности, пока не принесли убедительных результатов, вопрос о границах применения математических моделей в экономике и о связи между математизацией и научностью экономики как академической дисциплины, а также об авторитете профессиональных экономистов в общественно-политических дискуссиях остается открытым [Ананьин 2007]. Тем важнее представляется осмысление генеалогии традиции, связывающей научную значимость экономических исследований с усложнением их математического аппарата. Следует заметить, что наряду с этой традицией, в русле которой во второй половине XX в. и сформировался мейнстрим, в XIX в. развивалась иная концепция экономического знания, ассоциировавшая научность прежде всего с эволюционной картиной мира. Приверженцы этой позиции участвовали в создании научных сообществ экономистов в Германии, Франции, России, США и других странах.

В литературе по истории экономической мысли неоднократно указывалось на связь эволюционной традиции с критикой идеологии свободного рынка [Автономов 2013; Райнерт 2011]. В настоящей статье я уделяю внимание иному аспекту противостояния математической и эволюционной традиций. На примере сравнительно малоизвестного британского спора о методах мне хочется рассмотреть, как полемика о государственном вмешательстве переплеталась со спором о критериях научности и объективности экономического анализа.

В конце XIX в. Великобритания, на протяжении более столетия сохранявшая экономическое превосходство на мировом рынке, впервые столкнулась с серьезной конкуренцией. Быстро растущая промышленность Германии увеличивала свою производительность и все более явно демонстрировала стремление вытеснить британские товары с мирового рынка, предлагая более дешевые и качественные изделия. Разумеется, в отдаленной перспективе другие страны, прежде всего США, также могли составить конкуренцию британской промышленности. Однако угроза со стороны Германии была наиболее острой и не ограничивалась чисто экономическим соперничеством. Немецкие власти не скрывали своих колониальных амбиций и последовательно наращивали военно-морские силы, призванные гарантировать стабильную связь метрополии с отдаленными колониями. Морской флот должен был обеспечить Германии контроль над ключевыми зонами и торговыми путями Мирового океана. Такие планы не могли не беспокоить Великобританию, чье экономическое могущество во многом было обусловлено прошлыми победами на море над Испанией и Голландией.

На фоне все более явной озабоченности возможностью экономического и политического состязания с Германией британские высшие учебные заведения поставили цель наверстать упущенное в той сфере, в которой Германская империя уже успела обойти Соединенное Королевство, – в экономической теории. В Германии на тот момент она утвердилась как самостоятельная академическая дисциплина. Учитывая влияние в современном мире профессиональных экономистов на экономическую политику, нелегко поверить, что в период расцвета Британской империи здесь не существовало соответствующего сообщества ученых, которые давали бы правительству рекомендации, исходя из научного анализа ситуации. В Германии же такая организация – Союз социальной политики – была основана еще в 1872 г. и стала моделью, в том

числе для Американской экономической ассоциации, учрежденной в 1885 г. [Hagemann 2001; Reisman 1990, p. 182]. Показательно, что внимание членов Союза социальной политики практически с момента его основания сосредоточилось на взаимосвязи экономического развития и социального расслоения, а также на значении импортных пошлин для развития промышленности и на критике принципа нежелательности вмешательства государства в экономику, которого в XIX в. придерживались многие непрофессиональные экономисты.

В настоящей статье на примере дебатов английских экономистов У. Каннингема (1849–1919) и У. Эшли (1860–1927) с А. Маршаллом рассматривается процесс институционализации экономической науки Великобритании. Примечательно, что “Methodenstreit”, то есть спор о значении исторического, или эмпирического, метода, который вели в континентальной Европе немецкий историк и экономист Г. Шмоллер и австрийский ученый К. Менгер – яркие представители двух национальных школ политической экономии – трансформировался по другую сторону Ла-Манша в острую дискуссию о путях развития британской экономической теории [Schmoller 1888; Häuser 1988; Balabkins 1988; Backhaus, Hansen 2000; Loužek 2011]. При этом так же, как и немцы, англичане больше всего ломали копы из-за позиции по отношению к государственному регулированию экономики. Эксперименты в Германии с введением “мягкого” протекционизма нашли в этой дискуссии активный отклик, несмотря на скептическое отношение к протекционизму крупнейших английских экономистов. Ключевым же вопросом в этой дискуссии был вопрос о критериях научности и своеобразии политической экономии как науки, поскольку обе стороны настаивали на необходимости систематического применения научного метода для успеха экономической теории как особой дисциплины.

Принято считать, что на рубеже XIX–XX вв. сторонники протекционизма в Великобритании были в меньшинстве. “Сколь увлекательной стала бы его жизнь, доживи он, единственный протекционист в научной среде этой страны, до 1932 года!”, – такими словами заключал Г. Хитон свою рецензию на первую и до сих пор единственную биографию Эшли [Heaton 1933, p. 844]. Действительно, Великая депрессия вынудила британские власти отказаться от господствовавшей десятилетиями доктрины невмешательства в торговлю и ввести защитный тариф. Имя Эшли, как и имена других представителей так называемой новой, или молодой, исторической школы, менее известно современным экономистам, чем имя его оппонента в споре о методах Маршалла. Тем не менее многие суждения Эшли представляются актуальными и сегодня. В особенности это касается его критики абстрактных моделей экономического поведения, чрезмерно упрощающих социально-экономическую реальность и обоснования необходимости активного участия государства в хозяйственной деятельности страны тесной зависимостью между экономическими и социальными процессами, и прежде всего между имущественным расслоением и колебаниями на рынке труда.

Несмотря на признание важности методологических вопросов, которые изучали представители новой исторической школы, их авторитет в экономической науке не мог сравниться с авторитетом сторонников неоклассического направления. После поражения Германии во Второй мировой войне значение новой исторической школы практически сошло на нет. В 1985 г. Р. Солоу саркастически замечал, что “никто не помнил бы о... немецкой исторической школе, если бы не *Methodenstreit*. Впрочем, о ней все равно никто не помнит” [Solow 1985, p. 328].

Однако в последние годы на фоне пересмотра основных положений экономической теории намечается возрождение интереса к наследию немецкой исторической школы. Свидетельством тому служит, в частности, вышедший в 2015 г. сборник статей о ее влиянии на развитие экономической науки в европейских странах, включая Россию [Cardoso, Psalidopoulos 2015]. Авторы сборника показывают разнообразие и масштаб влияния исторической школы и отмечают злободневность ряда гипотез, высказанных ее представителями, для современной дискуссии о роли институтов в экономике и условиях их появления. Досадным упущением данного издания можно считать отсутствие ис-

следований рецепции исторической школы в Великобритании, а также в странах, образовавшихся после распада Австро-Венгрии и краха Российской империи.

Единственный детальный анализ рецепции исторической школы в Великобритании содержится в монографии Д. Коота [Koot 1987]. Между тем дискуссия об историческом методе, состоявшаяся в Великобритании, заслуживает самого серьезного внимания. Великобритания была, во-первых, страной с передовой, а не догоняющей экономикой и, во-вторых, многонациональной империей в отличие от США и Японии, где интерес к немецкой исторической школе и “воспитательному протекционизму” Ф. Листа был связан с проблемой увеличения конкурентоспособности национальной промышленности [Grimmer-Solem 2016]. В этом отношении изучение того, как воспринимались идеи немецкой исторической школы на английской почве, помогло бы проверить тезис о специфике интерпретации проблемы связи рынка и государства в империях с промышленно развитыми национальными провинциями [Cardoso, Psalidopoulos 2015, p. 17].

* * *

Так называемый спор о методах в Германии и его аналог в Великобритании следует рассматривать как реакцию на аксиоматизацию экономической теории в рамках институционализации политической экономии как самостоятельной (по типу истории, юриспруденции и моральной философии, или “моральной науки”) академической дисциплины [Coats 1968]. Тесная связь политической экономии с моральной философией была характерна для британской школы экономической мысли (А. Смит был профессором кафедры моральной философии в университете Глазго), тогда как в Германии и Австрии экономические науки традиционно входили в курс подготовки юристов и государственных служащих, и знание этих наук проверялось на госэкзаменах. В Великобритании примерно с 1877 г. намечается тренд на математизацию экономики, в том числе из-за споров о научном статусе экономики в Британской ассоциации развития науки как следствие особого в английской интерпретации понятия “наука”, отличного от немецкого *Wissenschaft* (в Германии в то время таких вопросов не возникало, и статус гуманитарных дисциплин, таких как филология, история и “наука о государстве” – *Staatswissenschaft*, не уступал статусу естественных наук) [Maloney 1976; Reisman 1990, pp. 181–199]. Характерно, что многие британские экономисты (в их числе У.С. Джевонс и Маршалл), ратовавшие за математизацию экономики, были по образованию математиками, а их оппоненты Каннингем и Эшли – историками [Fourcade 2009, p. 149]. С этим обстоятельством связаны особый понятийный аппарат и способы сбора и обработки данных, когда главными требованиями академических кругов признаются *измеримость* значимых для конкретного процесса или явления характеристик и *верификация* результатов.

Для Маршалла в вопросе о научном статусе экономики критерий измеримости экономических характеристик был ключевым. Основание Школы коммерции в Бирмингеме в 1901 г. при поддержке министра по делам колоний Дж. Чемберлена ознаменовало начало тренда на подготовку профессионалов в области бизнеса и торговли с особым прикладным уклоном [Kadish 1991]. Эшли, первый директор этого учебного заведения, назначенный в том числе благодаря рекомендации Маршалла, формирует новую программу обучения с упором на практическое применение экономики, существенно отличающуюся (особенно по соотношению экономической истории и теории) от программы по экономике Кембриджского университета [Moore 2003, p. 59]. Сам Маршалл учредил в Кембридже в 1903 г. направление экономической науки (Economics Tripos), реализовав свой план, сформулированный в 1885 г. в речи по случаю вступления в должность профессора политической экономии – “Об актуальном состоянии экономической науки” [Marshall 1885; Kadish 1993]. Ранее, в 1901 г., Лондонская школа экономики (ЛШЭ) учредила первый в Великобритании бакалавриат по специальности “экономика”, который предназначался для будущих чиновников, управленцев и банковских служащих [Koot 1982; Kadish 1989, p. 243]. В Бирмингеме, как и в ЛШЭ, экономика рассматривалась в

первую очередь качестве прикладной дисциплины, а значение экономической истории в курсе обучения было изначально очень велико. Таким образом, почти одновременно в Великобритании возникли две концепции экономики как академической дисциплины, которые существенно отличались по соотношению теоретических и практических предметов.

Спор Каннингема с Маршаллом

В Англии спор о методах начался в 1889 г., вскоре после выступления Маршалла в Кембриджском университете с упомянутой программной речью о необходимости преобразования университетской политэкономии. Это выступление вызвало резкую критику Каннингема, также претендовавшего на кембриджскую кафедру политэкономии и имевшего личные мотивы для несогласия с планами Маршалла по организации экономической науки в Англии. Выступая на ежегодной конференции Британской ассоциации развития науки в Ньюкасле, Каннингем выразил сомнение в предложенном Маршаллом проекте реформы политической экономии. Наибольшее неприятие у Каннингема в этом проекте вызвало преувеличенное, по его мнению, значение формальных моделей и, как следствие, сведение экономической истории и статистики к вспомогательным дисциплинам в университетском курсе экономики.

Каннингем высказывал опасение, что результате такого смещения баланса в пользу “чистой теории” экономисты будут небрежно обращаться с историческими источниками и подгонять произвольно отобранные факты под абстрактные теории. В статье “Извращение экономической истории” (“The Perversion of Economic History”), опубликованной в 1892 г., он отверг попытку Маршалла универсализировать экономические закономерности, и в частности намерение применить жесткую рикардианскую схему спроса и предложения к средневековой Англии [Cunningham 1892^b]. Ответ Маршалла вышел в 1892 г. во втором номере нового периодического издания “The Economic Journal”, основанного как печатный орган Британской экономической ассоциации; реакцию Каннингема на этот ответ редактор журнала – Ф. Эджуорт для публикации не принял, и она увидела свет 29 сентября 1892 г. в менее авторитетном, но более массовом издании “Pall Mall Gazette”, но Маршалл оставил новые возражения Каннингема без ответа [Maloney 1976, p. 441–443; Moggridge 1997, p. 351–355].

Каннингем, однако, продолжил критиковать научные позиции Маршалла [Cunningham 1892^a]. Дискуссия вызвала большой резонанс и на какое-то время разделила британскую политэкономия на “историков” и “теоретиков”. Несомненно, что маргинализация “историков” в определенной мере была обусловлена институциональными факторами, такими как доминирование сторонников Маршалла в Кембридже и в Британской экономической ассоциации [Deane 1983].

Есть основания полагать, что именно спор о методах в значительной мере обусловил обособление экономической теории от экономической истории [Kadish 1989]. По мнению Маршалла, основной недостаток сторонников исторического подхода состоял в поверхностности их наблюдений, неспособности распознать глубинные, скрытые от “невооруженного” взгляда механизмы экономического поведения, преодолевающие исторические и локальные особенности и традиции [Maloney 1976, p. 442]. Критика Маршалла отчасти напоминает рассуждения популярных в XIX в. философов истории, также считавших, что за мириадами кажущихся случайными событий скрываются глубинные, долгосрочные и недоступные поверхностному взгляду процессы, определяющие течение всемирной истории и индивидуальные судьбы. Однако важное отличие позиции Маршалла в том, что он пытался “расколдовать” (если использовать метафору М. Вебера) представление о существовании латентных социальных процессов, четко проводя границу между строгим, систематическим и потому надежным анализом незримых экономических механизмов и умозрительными, “эссеистскими”, теориями философов, от влияния которых стремился освободить политическую экономию [Maloney 1976, p. 445]. Для такого анализа, утверждал Маршалл, требуется особый научный ин-

струментарий, и чтобы им овладеть, необходимо пройти серьезный курс профессионального обучения.

Таким образом, сторонники исторического подхода уязвимы для критики не в силу пренебрежения к теории, а из-за отсутствия у них специальной *квалификации*, позволяющей экономистам обрабатывать эмпирические данные и получать достоверные результаты. Только квалификация, которую будущие экономисты приобретают в рамках интенсивного университетского курса обучения и которую затем совершенствуют в процессе систематических научных исследований, позволит, по убеждению Маршалла, экономике достичь уровня точной науки, накапливающей надежные знания и создающей основу правильной, долгосрочной хозяйственной политики. Экономика должна быть “механизмом открытия конкретной истины”, как теория механики в физике, и при этом стать наукой о мотивах человеческой деятельности относительно максимизации доходов, в отличие от науки о национальном богатстве [Groenewegen 1998, p. 309].

В “Принципах экономической науки”, которые задумывались как учебное пособие для нового кембриджского курса экономической науки, Маршалл так описывает роль общего и единичного в открытии экономических законов: «Индукция группирует с помощью анализа и дедукции факты, распределяет и анализирует их и выводит из них общие положения или законы. Затем некоторое время ведущую роль играет дедукция: она устанавливает связь между этими обобщениями, осторожно выводит из них новые и более широкие обобщения, а затем вновь призывает индукцию выполнить основную работу по сбору, отсеиванию и организации фактов для проверки и “верификации” новых законов» [Groenewegen 1998, p. 152].

Доказывая необходимость реформирования экономической науки, Маршалл переосмыслил вопрос практического значения экономического анализа. В XVIII в. главной целью политической экономии считалось увеличение дохода государя или (если речь идет о республике) государства. Тем самым эта дисциплина соответствовала понятию *нормативной* науки, если принять во внимание, что результаты политэкономических исследований должны влиять на поведение людей. В этом состоит принципиальное отличие политической экономии, например, от психологии, которая как естественная наука изучает поведение человека без цели повлиять на него. Если исходить из того, что основная цель политической экономии – давать рекомендации по конкретным вопросам функционирования государства, то уместна, скорее, аналогия с медицинскими науками, в частности с психотерапией, которая при конкретных рекомендациях опирается на данные фундаментальной науки о поведении человека – психологии. Однако в отличие от психологии политэкономические исследования XVIII–XIX вв. не использовали эксперименты, а гипотезы могли проверяться только на историческом материале или на данных статистики, несравненно более скудных, чем те, которыми располагает современная наука.

Отсутствие экспериментальных данных, согласно представлениям о научном методе, доминировавшим в Европе Нового времени, ограничивает надежность выдвигаемых исследователем теорий. Вместе с тем в XIX столетии у исследователей исторических процессов становится популярным мнение, что точную картину событий прошлого можно получить только на основе максимально тщательного и полного изучения исторических источников, позволяющего отделять факты от вымысла. Такая практика сложилась в ведущих немецких и французских университетах, особое внимание уделявших соблюдению научных стандартов. Результаты исторических исследований постепенно приобрели высокий статус, а проблема неполноты информации исторических источников и тенденциозности историков, состоящих на службе в государственных учреждениях, не была в тот период так остра, как в XX в.

В представлении Маршалла и других английских маржиналистов, экономическая теория как *позитивная* наука призвана объяснить фундаментальные экономические механизмы, определяющие функционирование экономики в *любой* индустриальной стране. Для таких фундаментальных механизмов характерны, во-первых, независимость от культурного, национального и социально-политического контекста и, во-вторых, долго-

временность. Экономисты-неоклассики полагали, что их теории, при условии отсутствия в них математических ошибок, применимы к экономическим процессам и в далеких от Европы индустриальных странах, и в далеком (относительно) будущем.

Однако уже один из первых серьезных тестов неоклассической политэкономии, а именно, начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис, показал, что один из центральных постулатов неоклассиков – способность рынка восстанавливать равновесие без активного вмешательства государства – расходится с реальным развитием событий. Кроме многократно замеченной критиками неоклассики неспособности предсказать развитие мирового экономического кризиса межвоенного периода, этот “естественный эксперимент” продемонстрировал, что использование математических инструментов при построении экономических теорий не снимает ключевого методологического вопроса – о критериях интерпретации количественных данных. От ответа на этот вопрос зависит, в частности, определение границ периодов экономической активности и различение кратко-, средне- и долгосрочных процессов. Выяснилось, что не всегда можно с уверенностью сказать, какой именно процесс характеризуют те или иные статистические данные, что, разумеется, затрудняет применение математических моделей для предсказания экономической динамики.

Наглядный пример уязвимости предположения о более высокой точности математических моделей экономических процессов по сравнению с историческим анализом – кривая С. Кузнецца. На основе ограниченного набора статистических данных конкретных стран конкретного периода он вывел гипотезу об определенном изменении взаимосвязи экономического роста и неравенства доходов населения после начала индустриализации. Научное значение данной гипотезы состояло в ее универсальности. Как известно, статистические данные за 1970–2010-е гг., демонстрирующие рост неравенства между богатейшими и беднейшими группами населения в США, опровергают предсказание Кузнецца о снижении уровня неравенства после превышения ВВП на душу населения некой точки X и, соответственно, опровергают эту в свое время влиятельную гипотезу.

Очевидно, что кривая Кузнецца не учитывает в должной мере влияние экономической политики на социально-экономическое развитие. Однако менее очевидно, что не только правая, но и левая половина кривой Кузнецца, которая предсказывает резкий рост неравенства с переходом к индустриализации, отражает развитие в конкретный исторический период и также не может считаться универсальной в смысле естественно-научных законов. Вопрос, следовательно, состоит в том, способны ли подобные математические модели, выведенные из определенного набора данных, точнее объяснить экономические процессы прошлого, не учитывая особенности того или иного конкретного события.

Но проблема не ограничивается способностью теории прогнозировать развитие экономики. Не менее существенно, что и при анализе экономических процессов прошлого нередко сосуществуют несовместимые интерпретации, которые приводят к различным оценкам эмпирических данных. Историческая статистика представляет собой довольно ненадежную базу теории; однако, учитывая сложность с проведением экономических опытов, иной базы у политической экономии как эмпирической науки в XIX в. быть не могло.

В своем программном выступлении Маршалл признавал, что экономическая теория должна учитывать исторические факты, и одновременно обращал внимание на трудности, связанные с изучением явлений прошлого. Его замечания о допустимости множества интерпретаций исторических событий, порой противоречащих друг другу, о сложности определения причинно-следственной связи при их анализе и о неполноте любого знания о прошлом созвучны аргументам современных историков и социологов, критикующих экономические модели мейнстрима за чрезмерное упрощение социальных явлений. Однако Маршаллу эти трудности не представляются непреодолимым препятствием для существования экономической науки. Отвергая тенденциозность и умозрительность классической английской политэкономии, с одной стороны, и эмпирический метод не названных им представителей исторической школы – с другой, он настаивает на решающем значении “особой системы рассуждений” (*special organon*) в экономическом

анализе. Защищаясь от обвинений в том, что он, как и представители классической политэкономии, преувеличивает значение эгоистичных побуждений в развитии экономики, Маршалл отмечает: для экономического анализа принципиальны не мотивы поведения и их природа, а общее для этих мотивов свойство отражать цену в денежном выражении и, следовательно, *поддаваться измерению*.

Такая настойчивость в обсуждении метрического аспекта экономического анализа не удивительна в контексте научного дискурса XIX в. с характерным для естественных наук отождествлением *измеримости* наблюдаемых явлений и *объективного* их описания. Любопытно, однако, что Маршалл доверяет не только популярному в то время критерию объективности научного метода, но и людям, использующим этот метод в своей профессиональной практике.

Согласно Маршаллу, не факты проверяют экономические теории, а напротив, экономический “органон” позволяет правильно анализировать факты, которые сами по себе не могут быть аргументами за или против той или иной теории. Решающее значение для экономического “органона” имеет применение трех методов логики Дж.С. Милля для правильного (научного) изучения экономической истории: метод сходства, метод остатков и метод различий. Так как факты никогда не говорят сами по себе, исследователь должен их “допрашивать”, чтобы изучить действие причин по отдельности и в их комбинации [Marshall 1885, p. 51].

Получив таким образом “органон” экономической теории, исследователь может использовать его для анализа экономической составляющей социальных проблем. “Чтобы с уверенностью интерпретировать экономические факты прошлого или настоящего, – утверждал Маршалл, – необходимо знать, какой эффект следует ожидать от каждой причины и какое действие эти эффекты производят вместе. Это и есть знание, которое дает нам экономическая наука” [Marshall 1885, p. 44]. Иными словами, только понимание общих для разных стран и периодов причинно-следственных связей может позволить успешно решать практические вопросы – как в области экономической истории, так и в социальной и экономической политике.

Для понимания представления Маршалла о связи экономической теории и истории – и критики этого подхода Каннингемом – следует обратиться к сравнению Маршаллом средневековых европейских институтов с обычаями, влияющими на экономическое поведение в современной ему Индии. Признавая значимость историко-экономических исследований для ревизии идеи неизменности экономического поведения, Маршалл полагает, что для более глубокого изучения средневековых обычаев, сковывавших развитие свободного предпринимательства и препятствовавших тем самым экономическому росту, необходимо сначала разобраться в причинах устойчивости индийских обычаев, которые, по мнению ученого, обуславливают отсталость этой страны. Маршалл признает, что экономическая наука еще не установила эти причины, но считает возможным решение этого вопроса в будущем.

В отличие от историка экономики исследователь, изучающий современные ему явления, может “допросить” (*cross-examine*) их, чтобы проверить определенную гипотезу. Так, понимая принцип функционирования индийского землепользования, можно реконструировать земельные отношения в средневековой Англии и восполнить значительные пробелы в исторических данных [Marshall 1885, p. 50]. В сноске к рассуждениям о причинах устойчивости обычая Маршалл замечает в “Принципах”, что “в применении современных методов к явлениям прошлого скрывается значительная опасность: их легче применить неверно, чем верно”. Однако он настаивает на использовании знаний, полученных экономической теорией при изучении современных явлений, к явлениям прошлого, а не наоборот, четко обозначая отличие своей методологии от подхода Каннингема [Marshall 2009, p. 534].

В основе такого представления о теоретическом преимуществе исследования современных явлений лежит допущение относительной независимости экономической сферы деятельности человека, которая, как минимум, в теории, может быть полностью описана с помощью формальных средств анализа. Эта сфера представляет собой совокупность

правил и механизмов максимизации пользы, которые потенциально применимы к любым ситуациям, где люди руководствуются мотивом удовлетворения потребностей или желаний. Тем самым экономическая сфера отделяется от других областей общественной жизни: культурной, религиозной, военной, правовой и, что особенно важно, политической.

Обычай, с такой точки зрения, выступает, по существу, силой, тормозящей внедрение технологий и экономический рост. Однако, чтобы объяснить появление обычаев, Маршалл выдвигает тезис, согласно которому многие экономические обычаи сами возникают из-за уравнивания (*equilibration*) побудительных мотивов, поддающихся измерению, то есть имеют экономическую природу. В “Принципах” он говорит о происхождении обычаев более уклончиво, чем в своей кембриджской лекции, допуская, что хозяйственные обычаи могли возникнуть не из чисто эгоистических побуждений, а само понятие “обычай” ассоциируется в его рассуждениях с отсталостью. Следует заметить, что в современной науке известно немало примеров влияния культурных и религиозных традиций на экономику, причем это влияние совсем не обязательно негативно [Guiso, Sapienza, Zingales 2006]. Так, ряд исследователей отмечают связь различий в праве наследования в иудаизме и исламе с особенностями в экономическом развитии Израиля и стран с исламом как государственной религией [Botticini, Eckstein 2011]. Принятая в иудейской традиции система наследования, полагают сторонники такой точки зрения, способствовала консолидации капитала и создавала предпосылки для крупных инвестиций.

Другая проблема, связанная с подходом Маршалла к экономической истории, состоит в сложности определения условий, необходимых для применения знания о современных явлениях к явлениям прошлого. Решение исследователя использовать ту или иную теорию, созданную на основе анализа современных событий, к происходившему когда-то, означает, что он знает главное о предмете, который только собирается изучить, а именно, что данное явление аналогично уже известному и может быть описано с помощью категорий, применимых для характеристики изученного феномена. Именно указанная Маршаллом проблема изучения явлений прошлого – фрагментарность исторической информации – не позволяет создать общий алгоритм раскрытия аналогии между прошлыми и настоящими “кейсами”. Даже если признать, вслед за рядом современных историков экономической мысли, позицию Каннингема как “радикально” чуждую применению аппарата экономической теории в экономической истории, нельзя не отметить, по прошествии более 100 лет после выхода программного текста Маршалла о перспективе экономической науки, необоснованность его оптимизма относительно возможности экономической теории помочь историкам рассмотреть, “как в телескопе”, элементы обычаев древности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (2013) Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016) Общая теория “споров о методах” в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20.
- Ананьин О.И. (2007) Экономика: наука и/или искусство // Вопросы экономики. № 11. С. 4–24.
- Райнерт Э. (2011) Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ ВШЭ.
- Ashley A. (1932) William James Ashley: A Life. London: P.S. King.
- Backhaus J., Hansen R. (2000) Methodenstreit in der Nationalökonomie // Journal for General Philosophy of Science. Vol. 31. No. 2. Pp. 307–336.
- Balabkins N. (1988) Not by Theory Alone: the economics of Gustav von Schmoller and its legacy to America. Berlin: Duncker & Humblot.
- Botticini M., Eckstein Z. (2011) Religious Norms, Human Capital and Money Lending in Jewish European History // McCleary R. M. (ed.) The Oxford Handbook of the Economics of Religion. New York: Oxford Univ. Press. Pp. 57–80.

- Cardoso J. L., Psalidopoulos M. (2015) *The German Historical School and European Economic Thought*. London–New York: Routledge.
- Coats A.W. (1968) *The Origins and Early Development of the Royal Economic Society // The Economic Journal*. Vol. 78. No. 310. Pp. 349–371.
- Cunningham W. (1892^a) *A Plea for Pure Theory // Economic Review*. Vol. 2. No. 1. Pp. 25–41.
- Cunningham W. (1892^b) *The Perversion of Economic History // The Economic Journal*. Vol. 2. No. 7. Pp. 491–506.
- Deane P. (1983) *The Scope and Method of Economic Science // The Economic Journal*. Vol. 93. No. 1. Pp. 1–12.
- Fourcade M. (2009) *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Grimmer-Solem E. (2016) *Geopolitik und Nationalökonomie vor dem Ersten Weltkrieg: Plädoyer für eine transnationale Geschichte der Wirtschaftswissenschaften // Trautwein H.-M. (Hg.) Die Zeit um den Ersten Weltkrieg als Krisenzeit der Ökonomen. Schriften des Vereins für Sozialpolitik: Neue Folge. Bd. 115 (Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorien XXX)*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 48–73.
- Grimmer-Solem E. (2003) *Imperialist Socialism of the Chair: Gustav Schmoller and German Welt-politik, 1897–1905 // Elley G., Retallack J. (eds.) Wilhelminism and Its Legacies: German Modernities, Imperialism, and Meanings of Reform, 1890–1930*. New York; Oxford: Berghahn Books. Pp. 107–122.
- Groenewegen P. (1998) *A Soaring Eagle: Alfred Marshall 1842–1924*. Cheltenham: Elgar.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006) *Does Culture Affect Economic Outcomes? // Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 2. Pp. 23–48.
- Hagemann H. (2001) *The Verein für Sozialpolitik from its foundation (1872) until World War I // Augello M., Guidi M. (eds.) The Spread of Political Economy and the Professionalization of Economists*. London: Routledge. Pp. 152–175.
- Häuser K. (1988) *Historical School and “Methodenstreit” // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. Vol. 144. No. 3. Pp. 532–542.
- Heaton H. (1933) *Review of: Anne Ashley, William James Ashley: A Life*. London, 1932 // *Journal of Political Economy*. Vol. 41. No. 6. Pp. 842–844.
- Kadish A. (1991) *The Foundation of Birmingham’s Faculty of Commerce as a Statement on the Nature of Economics // The Manchester School*. Vol. 59. No. 2. Pp. 160–172.
- Kadish A. (1989) *Historians, Economists, and Economic History*. London, New York: Routledge.
- Kadish A. (1993) *Marshall and the Cambridge Economics Tripos // Kadish A., Tribe K. (eds.) The Market for Political Economy: The Advent of Economics in British University Culture, 1850–1905*. London: Routledge. Pp. 137–161.
- Koot G.M. (1982) *An Alternative to Marshall: Economic History and Applied Economics at the Early LSE // Atlantic Economic Journal*. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.
- Koot G.M. (1987) *English Historical Economics, 1870–1926: The Rise of Economic History and Neomercantilism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Loužek M. (2011) *The Battle of Methods in Economics. The Classical Methodenstreit–Menger vs. Schmoller // American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 70. No. 2. Pp. 439–463.
- Maloney J. (1976) *Marshall, Cunningham, and the Emerging Economics Profession // The Economic History Review*. Vol. 29. No. 3. Pp. 440–451.
- Marshall A. (1885) *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*. London: Macmillan and Co.
- Marshall A. (2009) *Principles of Economics: Unabridged Eighth Edition*. New York: Cosimo Classics.
- Moggridge D.E. (1997) *Method and Marshall // Peter Koslowski (ed.) Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School: From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker*. Berlin, Heidelberg: Springer. Pp. 342–369.
- Moore G. (2003) *One Hundred Years from Today // History of Economics Review*. Vol. 38. No. 1. Pp. 53–68.
- Reisman D. (1990) *Alfred Marshall’s Mission*. New York: Palgrave Macmillan.

Schmoller G. (1888) Die Schriften von K. Menger und W. Dilthey zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften // Schmoller G. Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften. Leipzig: Duncker & Humblot. S. 275–302.

Solow R.M. (1985) Economic History and Economics // The American Economic Review. Vol. 75. No. 2. Pp. 328–331.

State and freedom of competition: the *Methodenstreit* and the British debate on protectionism, 1880s–1900s

V. ARSLANOV*

*Arslanov Vasily – Dr. phil., junior research fellow, Institute of Economics, RAS. Address: 32 Nakhimovskiy av., 117218, Moscow Russian Federation. E-mail: arslanov@gmail.com

Abstract

The essay investigates the role of the debate between the proponents of the mathematical and historicist methodologies in the institutionalization of economics in Britain. Based on an analysis of the debate on scientific method between Alfred Marshall and William Cunningham the study shows 1) the long-run implications of the *Methodenstreit* on the recruitment and curriculum priorities in the leading British universities; and 2) a link between the *Methodenstreit* and the debate on the government intervention, in particular the role of protective tariffs in securing jobs and stimulating growth.

Keywords: historical economics, methodology, history of economics, historical school of economics, free trade, protectionism.

REFERENCES

Anan' in O. (2007) Ekonomika: nauka i/ili iskusstvo [Economics: a Science and/or an Art]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 4–24.

Ashley A. (1932) *William James Ashley: A Life*. London: P.S. King.

Avtonomov V. (2013) Abstrakciya – mat' poryadka? [Is Abstraction the Mother of Order?]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 4–23.

Avtonomov V., Avtonomov Y. (2016) Obshchaya teoriya “spоров o metodah” v ekonomicheskoy nauke [A General Theory of *Methodenstreits* in Economic Science]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 5–20.

Backhaus J., Hansen R. (2000) *Methodenstreit in der Nationalökonomie*. *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 31, no. 2, pp. 307–336.

Balabkins N. (1988) *Not by Theory Alone: the economics of Gustav von Schmoller and its legacy to America*. Berlin: Duncker & Humblot.

Botticini M., Eckstein Z. (2011) Religious Norms, Human Capital and Money Lending in Jewish European History. *The Oxford Handbook of the Economics of Religion*. McCleary R. M. (ed.) New York: Oxford Univ. Press, pp. 57–80.

Cardoso J.L., Psalidopoulos M. (2016) *The German Historical School and European Economic Thought*. London–New York: Routledge.

Coats A.W. (1968) The Origins and Early Development of the Royal Economic Society. *The Economic Journal*, vol. 78, no. 310, pp. 349–371.

Cunningham W. (1892^a) A Plea for Pure Theory. *Economic Review*, vol. 2, no. 1, pp. 25–41.

Cunningham W. (1892^b) The Perversion of Economic History. *The Economic Journal*, vol. 2, no. 7, pp. 491–506.

Deane P. (1983) The Scope and Method of Economic Science. *The Economic Journal*, vol. 93, no. 1, pp. 1–12.

Fourcade M. (2009) *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton Univ. Press.

- Grimmer-Solem E. (2016) Geopolitik und Nationalökonomie vor dem Ersten Weltkrieg: Plädoyer für eine transnationale Geschichte der Wirtschaftswissenschaften. *Die Zeit um den Ersten Weltkrieg als Krisenzeit der Ökonomen*. Trautwein H.-M. (Hg.) Schriften des Vereins für Socialpolitik: Neue Folge. Bd. 115 (Studien zur Entwicklung der ökonomischen Theorien XXX). Berlin: Duncker & Humblot, S. 48–73.
- Grimmer-Solem E. (2003) Imperialist Socialism of the Chair: Gustav Schmoller and German Weltpolitik, 1897–1905. *Wilhelmism and Its Legacies: German Modernities, Imperialism, and Meanings of Reform, 1890–1930*. Elley G., Retallack J. (eds.) New York and Oxford: Berghahn Books, pp. 107–122.
- Groenewegen P. (1998) *A Soaring Eagle: Alfred Marshall 1842–1924*. Cheltenham: Elgar.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006) Does Culture Affect Economic Outcomes? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 2, pp. 23–48.
- Hagemann H. (2001) The Verein für Sozialpolitik from its foundation (1872) until World War I. *The Spread of Political Economy and the Professionalization of Economists*. Augello M., Guidi M. (eds.) London: Routledge, pp. 152–175.
- Häuser K. (1988) Historical School and “Methodenstreit”. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, vol. 144, no. 3, pp. 532–542.
- Heaton H. (1933) Review of: Anne Ashley, William James Ashley: A Life. London, 1932. *Journal of Political Economy*, vol. 41, no. 6, pp. 842–844.
- Kadish A. (1991) The Foundation of Birmingham’s Faculty of Commerce as a Statement on the Nature of Economics. *The Manchester School*, vol. 59, no. 2, pp. 160–172.
- Kadish A. (1989) *Historians, Economists, and Economic History*. London, New York: Routledge.
- Kadish A. (1993) Marshall and the Cambridge Economics Tripos. *The Market for Political Economy: The Advent of Economics in British University Culture, 1850–1905*. Kadish A., Tribe K. (eds.) London: Routledge, pp. 137–161.
- Koot G.M. (1982) An Alternative to Marshall: Economic History and Applied Economics at the Early LSE. *Atlantic Economic Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–17.
- Koot G.M. (1987) *English Historical Economics, 1870–1926: The Rise of Economic History and Neomercantilism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Loužek M. (2011) The Battle of Methods in Economics. The Classical Methodenstreit–Menger vs. Schmoller. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 70, no. 2, pp. 439–463.
- Maloney J. (1976) Marshall, Cunningham, and the Emerging Economics Profession. *The Economic History Review*, vol. 29, no. 3, pp. 440–451.
- Marshall A. (1885) *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*. London: Macmillan and Co.
- Marshall A. (2009) *Principles of Economics: Unabridged Eighth Edition*. New York: Cosimo Classics.
- Moggridge D.E. (1997) Method and Marshall // Peter Koslowski (ed.) *Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School: From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker*. Berlin–Heidelberg: Springer. pp. 342–369.
- Moore G. (2003) One Hundred Years from Today. *History of Economics Review*, vol. 38, no. 1, pp. 53–68.
- Reinert E. (2011) Kak bogatyie strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi [How Rich Countries Got Rich, and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow: GU VSE.
- Reisman D. (1990) *Alfred Marshall’s Mission*. New York: Palgrave Macmillan.
- Schmoller G. (1888) Die Schriften von K. Menger und W. Dilthey zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften. Id. *Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften*. Leipzig: Duncker & Humblot, S. 275–302.
- Solow R.M. (1985) Economic History and Economics. *The American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 328–331.